

ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ

М.А. Ицкович*

ЭПОХА ВЕЛИКИХ РЕФОРМ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Большое значение в современных исторических исследованиях приобретает категория исторической памяти, которая несет не только информацию о прошлом, но и эмоциональное отношение к воспоминаемым событиям и явлениям, их оценку в определенной «системе координат». Особый интерес представляет изучение исторической памяти об эпохах, отмеченных крупными историческими переменами: оно позволяет понять, насколько эти перемены укоренились в жизни общества и в его сознании.

Исторический период, названный впоследствии «эпохой Великих реформ», обычно отождествляется с временем правления императора Александра II – временем правительственных преобразований, быстрого роста институтов общественного мнения, развития университетов и подъема журналистики, социальных волнений. Все это воспринималось многими современниками как символические события вселенского масштаба¹. К концу XIX – началу XX веков свидетели той эпохи еще в большинстве своем активно участвовали в общественной и литературной жизни, а значит, и в формировании исторической памяти о периоде Великих реформ. Задача настоящей работы – проследить, какой образ реформаторской эпохи складывался в мемуарной литературе рубежа XIX–XX веков, выявить точки соприкосновения и расхождения между мемуаристами разных взглядов.

В мемуаристике присутствует широкий спектр мнений и оценок эпохи в целом, движущих сил преобразований, позиций различных социальных групп и политических деятелей. Вместе с тем можно выделить комплекс некоторых устойчивых представлений, характерных для подавляющего большинства мемуаристов, вне зависимости от их политических убеждений.

Прежде всего, это причинно-следственная связь между поражением России в Крымской войне и началом Великих реформ. Военная катастрофа стала в общественном сознании сильнейшим аргументом против крепостнических порядков в экономике, политике, культуре. По словам Н.В. Шелгунова, «думать заставил Севастополь, и он же пробудил во всех критическую мысль... Все стали думать, и думать в одном направлении, в направлении свободы»². Буквально в тех же выражениях высказал свою мысль идеологический противник Шелгунова, цензор Е.М. Феоктистов. С его точки зрения,

* © Ицкович М.А. – аспирант кафедры российской истории Самарского государственного университета, 2010

«севастопольский страшный суд» подорвал веру в порядок вещей, который еще недавно считался само собой разумеющимся, и в этом смысле поражение сыграло определенную благотворную роль: «Россия, хоть и побежденная, все-таки вздохнула свободно»³.

Представление о реформах как о последствии неудачной войны было чем-то самоочевидным в широком общественном мнении той эпохи – не только среди интеллектуалов, но и в провинциальной крестьянской, мещанской и помещичьей среде⁴, – и неудивительно, что эта идея прочно вошла в историческую память, отразившись в сознании мемуаристов. Контрастирует с ней только мнение крайнего консерватора В.П. Мещерского, который полагал, что поражение в Крымской войне было следствием ряда частных проблем (непорядка в управлении, бездорожья, коррупции, технической отсталости), но никак не проявлением банкротства всей социально-экономической и политической системы. Мнение Мещерского можно считать исключением, подтверждающим общее правило: его точка зрения была маргинальной, в чем он и сам признавался⁵.

В целом ряде мемуаров зафиксированы настроения тревоги, неопределенности, растерянности перед грядущими преобразованиями, которые у одних выражались в чувствах страха и раздражения, у других – в виде смутных ожиданий и надежд. Распространение в народе разнообразных слухов, зачастую фантастических и противоречивых, рост крестьянских волнений, таинственные предзнаменования – таковы типичные знаки времени. В такой атмосфере всякое событие, например, установка телеграфа в провинциальном городе, воспринималось как предвестие грядущих перемен⁶. В воспоминаниях Мещерского, который с самого начала довольно скептически относился к реформам, обращает на себя внимание частое употребление неопределенных местоимений, например, в такой фразе: «Умы постепенно начинали выходить из-под опеки старых преданий и переходить в новую область какого-то стремления к чему-то новому, каких-то сетований на прошлое и каких-то претензий к настоящему»⁷. Будучи сторонним наблюдателем, Мещерский верно уловил неопределенный, аморфный характер социального настроения, господствовавшего в тот период. Вместе с тем у этого настроения был общий знаменатель, общий лозунг – *свобода*. Постепенно из «хаоса желаний, стремлений и порывов» выкристаллизовалась «точно определенная центральная идея» – освобождение крестьян⁸.

По вопросу об отмене крепостного права сложился широкий общественный консенсус – в диапазоне от наиболее дальновидных консерваторов до радикальных социалистов. В мемуаристике это кратковременное единство мнений нашло отражение в многочисленных описаниях «надежд», «весны» второй половины 1850-х гг. «Высокое одушевление», «золотая идиллия», «чад молодости, который зовется любовью», «опьянение восторга», «розовые надежды», «светлые упования», «торжество человеческого духа» – красноречивый ряд определений, которым характеризовали это время люди самых различных взглядов⁹. Отмена крепостного права оценивалась как шаг, продиктованный гуманистическими, нравственными и религиозными соображениями¹⁰. В начальный период реформ большинству мемуаристов

было свойственно безграничное доверие к верховной власти, вера в благие намерения царя и желание помочь ему в проведении назревших преобразований¹¹.

Идиллический образ «весны» второй половины 1850-х гг. можно также считать одним из устойчивых элементов исторической памяти. Иллюзия всеобщей гармонии и совпадения противоположных взглядов могла возникнуть лишь в обстановке неопределенности, о которой уже упоминалось выше, и могла существовать до тех пор, пока большинство интеллектуалов было объединено абстрактным чувством неприятия «старого» и необходимости реформ. Но насколько далеко следует идти в отрицании старого и какими именно должны быть эти реформы? Подобные вопросы неизбежно должны были рано или поздно возникнуть и разрушить всеобщее единство.

Резкая поляризация разных направлений общественной мысли наглядно проявляется не только в оценке того варианта освобождения крестьян, который был реализован в 1861 году, но и в описании позиции и настроений различных сословий русского общества. В консервативной интерпретации реформы 1861 г. ее главной действующей силой была либеральная столичная бюрократия, которая не знала реальных условий русской жизни, действовала исходя из «политической ненависти» к дворянству и стремилась к его максимальному разорению. Помещики проявили смирение и самопожертвование; крестьяне, хотя и не отблагодарили своих прежних хозяев как следует, реформой в целом были удовлетворены¹².

Сами реформаторы в своих воспоминаниях рисуют иную картину. Главную заслугу в осуществлении реформы они приписывают «непреклонной твердости» и решимости императора довести задуманное дело до конца вопреки отчаянному противодействию со стороны своего ближайшего окружения, высших правительственных чиновников и дворянства. Александр II достоин того, чтобы войти в историю не только России, но и Европы как «восстановитель прав человека, которые попирались в течение многих веков»¹³. Манифест 19 февраля 1861 г., по оценке Д.А. Милютина, был встречен народом с радостью и глубокой признательностью, хотя упоминает и о крестьянских беспорядках, вызванных превратным толкованием Манифеста, «отчасти злоумышленным, а большею частью по невежеству»¹⁴.

Мемуаристы радикального лагеря в своих оценках близки к мнению Н.А. Некрасова о том, что крестьянская реформа ударила «одним концом по барину, другим – по мужику». С одной стороны, в их воспоминаниях подчеркивается неприкрытая враждебность большинства дворян к реформе, к правительству и царю, доходившая до того, что в некоторых губерниях помещики расстреливали царские портреты¹⁵. С другой стороны, отмечается недовольство крестьян тем, что «попы да паны» скрыли от них «настоящую волю», которую дал царь¹⁶.

Земская, судебная, университетская, военная реформы Александра II воспринимались в мемуаристике как «эхо» крестьянской реформы, как логическое продолжение заданного ею импульса – ликвидации сословно-правового неравенства, поэтому рассматривались не сами по себе, а как средство, способствующее демократизации общества и одновременно как

символ этой демократизации. Одной из ярких примет времени, зафиксированных в исторической памяти, стали гласные суды, где разбирались претензии слуг к своим господам за оскорбительное или грубое обращение, и победа нередко оставалась за «простолюдинами». Отношение к таким фактам зависело от социальной позиции и политических взглядов мемуариста: разночинец и будущий народник Н.А. Чарушин испытывал «радость и торжество» от обвинительного приговора «какой-нибудь разряженной барыне», а стойкий консерватор и аристократ В.П. Мещерский возмущался «умышленно либеральным образом действий новых судей», которые относились с подчеркнутым неуважением к знатым лицам. И тот, и другой мемуарист оценивали новые суды как явления революционные, подрывавшие основы всего прежнего строя¹⁷.

Аналогичным образом различалось и отношение к земской реформе. Консерваторы обличали легкомысленный «земский либерализм», притязания земств на политическую роль, что, по их словам, только препятствовало действительно полезной работе местного самоуправления. «Лучше было давать земству поменьше прав при его учреждении, чем, давши много, отнимать часть данного, раздражая умы» – этот рецепт В.П. Мещерского характеризует отношение консервативной части русской общества не только к земской, но и к остальным Великим реформам¹⁸. В противоположном политическом лагере, напротив, сетовали на излишний и мелочный контроль местной администрации над земством, и сожалели о том, что «земская весна» была непродолжительной, а правительство сделало все возможное, чтобы превратить земских гласных в простых чиновников при сборе налогов¹⁹.

Отличительной особенностью эпохи стали не только преобразования «сверху», но и кардинальное изменение характера отношений в системе «власть – общество». С самого начала Великих реформ наблюдался всплеск общественной активности, который часто обозначался в мемуаристике термином «пробуждение». Чуть ли не всякий грамотный человек брался за перо, чтобы писать проект какой-либо реформы. Студенческие аудитории стали местом немислимых ранее дискуссий. Появилось огромное количество различных кружков и обществ с различными целями, от культурно-просветительских до революционных. Возникла «обличительная литература», в том числе неподцензурная, и вместе с ней – «новый читатель» с «общественными чувствами и интересами». Журналист стал влиятельным и уважаемым человеком в обществе, и даже некоторые чиновники стали в своих поступках ориентироваться на «общественное мнение». Изменился сам образ мыслей: власть и ее действия перестали восприниматься как нечто незыблемое, установленное свыше и неподвластное разумению «обычного человека», политическая сфера стала подвергаться критическому анализу с рациональной и моральной точки зрения²⁰. Не случайно во многих воспоминаниях противоположность эпохи Великих реформ с предшествующим временем выражается в противопоставлении статики и динамики. На одном полюсе – инерция, упорядоченность, принуждение; на другом – движение, беспорядок, свобода.

Для консерваторов этот второй полюс был безусловным злом. Они возмущались, что журналисты предстают в виде «вершителей судеб Русского госу-

дарства», а правительственных чиновников обвиняли в «доброте слабости», в «трусости и малодушии» перед лицом крамолы. «Шатания правительства» провоцировали «безалаберность общества». Студенческих беспорядков, польского восстания, роста революционных настроений можно было бы избежать, если бы во власти нашлись энергичные и умные люди, которые не побоялись бы пресечь мятеж на корню. Власть слишком сильно «отпустила вожди», руководствуясь либеральными догмами²¹.

Как ни странно, сами либеральные реформаторы пришли к похожим выводам: «хватали через край», «смягчение перешло в распушенность». Военный министр Д.А. Милютин с сожалением отмечал, что «уже не подчиненные трепетали, как прежде, пред начальством, а наоборот, начальство старалось заслужить благорасположение подчиненных»²². Подобно консерваторам, либералы считали необходимым сдерживать «слишком резкие» выпады печати, бороться с «политической заразой» и «очищать» столичные города «от неблагонамеренности», были убеждены в том, что революционное движение в России инспирировалось поляками, а корни «крамолы» уходили на Запад. Оправдывая полицейские меры правительства как вынужденные и необходимые, они при этом понимали, что в такой обстановке невозможна реализация тех либеральных преобразований, к которым они искренне стремились. Консервативную и либеральную мемуаристику объединяет также мотив «неблагодарности общества», которое вместо «доверия и терпения» стало требовать от власти невозможного²³. Радикалы же рисуют прямо противоположную картину: косность власти, ее приверженность старым методам управления, боязнь инициативы снизу и чрезмерное полицейское усердие – все это оттолкнуло интеллигенцию от правительства. В ситуации, когда «элементарная честность становится неблагонадежной», самые крайние революционные акты встречали широкое сочувствие в образованном обществе²⁴.

Общей для мемуаристов всех направлений является интонация разочарования при подведении итогов эпохи, восприятие ее как «времени упущенных возможностей». Радикалы были неудовлетворены тем, что их завышенные ожидания коренных демократических преобразований не осуществились; консерваторы – тем, что власть зашла слишком далеко в «потрясении устоев»; либералы – тем, что, оказавшись «между двух огней», не смогли реализовать свои замыслы. Значительную долю вины за такой печальный исход представители враждующих лагерей возлагали не только друг на друга, но и на императора Александра II. По единодушному мнению, он был человеком слабым, несамостоятельным, легко поддававшимся сторонним влияниям, причем в разных вариантах обвинений это могло быть либо влияние «неумных и злобных сатрапов», либо либеральных чиновников-дилетантов, зараженных космополитизмом²⁵. Стоит отметить всеобщую убежденность в том, что если бы император вел себя по-другому или призвал бы себе на помощь других советников, то его царствование закончилось бы так же прекрасно, как и началось. При этом сам царь рассматривался скорее не как виновник, а как жертва трагического стечения обстоятельств, как человек, который оказался не на своем месте²⁶. Такое единодушное свидетельство

о том, что в исторической памяти рубежа XIX–XX веков «роль личности в истории», и в особенности роль верховной власти оценивалась весьма высоко. Независимо от того, насколько такие представления соответствуют действительности, нельзя не заметить, что они представляют собой специфическое отражение в общественном сознании характерного для России феномена «революции сверху» и во многом сохраняют свою силу вплоть до наших дней.

Примечания

- ¹ Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М., 1996. С.10.
- ² Шелгунов Н.В. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 191.
- ³ Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С.106– 108.
- ⁴ Ясинский И.И. Роман моей жизни. М.; Л., 1926. С. 15; Короленко В.Г. Собр. соч.: в 5 т. Т. 4. Л., 1990. С. 72.
- ⁵ Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2003. С. 24, 26, 43.
- ⁶ Короленко В.Г. Указ. соч. С. 70; Ясинский И.И. Указ. соч. С. 15.
- ⁷ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 97.
- ⁸ Шелгунов Н.В. Указ. соч. С. 95.
- ⁹ Красноперов И.М. Записки разночинца. М.; Л., 1929. С. 61; Ковалевская С.В. Избранные произведения. М., 1982. С. 272; Шелгунов Н.В. Указ. соч. Т.1. С. 82; Милютин Д.А. Воспоминания. М., 1999. С. 40; Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 65; Козлинина Е.И. За полвека. Пятьдесят лет в стенах суда. М., 1913. С. 26.
- ¹⁰ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 40; Воспоминания о студенческой жизни. М., 1899. С. 226; Пантелеев Л.Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 166.
- ¹¹ Водовозова Е.Н. На заре жизни: в 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 35; Воспоминания о студенческой жизни. С. 225, 226.
- ¹² Мещерский В.П. Указ. соч. С. 92– 94, 100– 102, 152.
- ¹³ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 40– 41; Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1997. №1. С. 98; №3. С. 63.
- ¹⁴ Милютин Д.А. Указ. соч. С. 67.
- ¹⁵ Ясинский И.И. Указ. соч. С. 37; Короленко В.Г. Указ. соч. Т. 4. С. 213; Водовозова Е.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 143– 147.
- ¹⁶ Водовозова Е.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 162– 165.
- ¹⁷ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 79, 323; Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 41.
- ¹⁸ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 251, 312, 324.
- ¹⁹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 277– 279; Чарушин Н.А. Указ. соч. С. 62.
- ²⁰ Шелгунов Н.В. Указ. соч. С. 94, 113, 114; Мещерский В.П. Указ. соч. С. 47, 97; Короленко В.Г. Указ. соч. Т. 4. С. 157– 158, 284.
- ²¹ Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 111, 118; Мещерский В.П. Указ. соч. С. 98, 124, 145, 152, 155.
- ²² Милютин Д.А. Указ. соч. С. 42– 44.
- ²³ Головнин А.В. Записки для немногих // Вопросы истории. 1997. №1. С. 102; № 3. С. 61.
- ²⁴ Короленко В.Г. Указ. соч. Т. 4. С. 501.
- ²⁵ Мещерский В.П. Указ. соч. С. 578; Короленко В.Г. Указ. соч. Т. 5. С. 194.
- ²⁶ Кропоткин П.А. Указ. соч. С. 405; Милютин Д.А. Указ. соч. С. 45, 71; Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 118, 122, 196; Мещерский В.П. Указ. соч. С. 578, 582.